

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-229-235

ТУРЕЦКИЙ МИР В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

© Керами Юнал, Ильдар Юнусов, Фания Юнусова

THE TURKISH WORLD IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Kerami Unal, Ildar Yunusov, Faniya Yunusova

The article analyzes the representation of Turkey and the Turkish East in Russian literature of the 19th century and considers various artistic strategies for depicting the Turkish world based on the texts of A. A. Bestuzhev-Marlinsky, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy and V. M. Garshin. The dominant method of studying this problem is the hermeneutic analysis. The concepts of “other” / “alien” are at the center of the study, inextricably linked with the concept of “one’s own”. The binary opposition “ours”–“theirs” is the subject and, at the same time, the means of analyzing in many research practices. Herefore, the analysis of the problem of the Turkish “other” / “alien” in the artistic world of 19th-century Russian literature is carried out in the imagological and mythopoetic discourse. The focus is on the evolution from romantic exotization to realistic and ethnographic approaches, as well as the functioning of the image of Turkey as a mirror of national self-awareness. Russian literary criticism has few works on the understanding of the Turkish element perception in Russian literary classics. For obvious reasons, much more works on this topic are written by Oriental historians who study the specifics of state and cultural relations between Russia and Turkey at different stages of their historical development. The perspective of the topic is to study the specifics of the “Turkish element” perception in Russian fiction of the 19th century in the works by writers belonging to the second, non-classical series.

Keywords: 19th-century Russian literature, Turkish world, East, other /alien, identity, ambivalence, mirror of national self-awareness

Статья посвящена анализу репрезентации Турции и турецкого Востока в русской литературе XIX века. На основе текстов А. А. Бестужева-Марлинского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и В. М. Гаршина рассматриваются различные художественные стратегии изображения турецкого мира. Доминирующим методом исследования данной проблемы является герменевтический анализ. В центре исследования стоят концепты «другой»/«чужой», неразрывно связанные с концептом «свой». Бинарная оппозиция «свой – чужой» является предметом и одновременно средством анализа многих исследовательских практик. Поэтому анализ проблемы турецкого «другого» («чужого») в художественном мире русской литературы XIX века производится также в имагологическом и мифопоэтическом дискурсах. В центре внимания – эволюция от романтической экзотизации к реалистическому и этнографическому подходу, а также функционирование образа Турции как зеркала национального самосознания. В российском литературоведении работ, связанных с осмыслением восприятия турецкого элемента в русской литературной классике, мало. По понятным причинам значительно больше трудов на данную тему пишется историками-востоковедами, изучающими специфику государственных и культурных взаимоотношений России и Турции на разных этапах их исторического развития. Перспектива темы – исследование специфики восприятия «турецкого элемента» в русской беллетристической литературе XIX века, в произведениях писателей второго, неклассического ряда.

Ключевые слова: русская литература XIX века, турецкий мир, Восток, другой/чужой, идентичность, амбивалентность, зеркало национального самосознания

Для цитирования: Юнал Керами, Юнусов И., Юнусова Ф. Турецкий мир в русской литературе XIX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 3 (81). С. 229–235. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-81-3-229-235

Проблема рецепции «турецкого мира» в русской литературе XIX в. вызывает несомненный интерес. Под «турецким миром» обычно понимается совокупность представлений о географии,

культуре, религии, обычаях и образе жизни Османской империи, включая османских турок и других мусульманских народов, находившихся в пределах ее влияния. Эти представления формировались как на основе реальных исторических взаимодействий (войн, дипломатии, торговли, путешествий, научных трудов), так и под воздействием художественного постижения. При этом турецкий мир изображался как в произведениях классиков, так и в беллетристике писателей второго и третьего рядов.

Эта проблема активно изучается и в турецком литературоведении. В Турции исследования турецкого мира носят комплексный характер. Так, есть работы о восприятии турецкого мира на Западе в целом [1], в отдельных литературах Европы: французской [2], английской [3], немецкой [4]; имеются монографии, посвященные изучению образа Турции в русской литературе [5], [6]. Вклад в изучение этой темы внесли А. Бехрамоглу, Т. Олджай, Э. Инаныр и др.

В российском литературоведении приоритет отдается изучению не отдельно турецкой, а в целом восточной, или буддийской, или мусульманской, или кавказской тем в русской литературе [7], [8], [9], [10]. Монографии, посвященные образу Турции в русской литературе, нам неизвестны. Более того, можно сказать, что к этой теме чаще обращаются не столько литературоведы, сколько историки. Очевидно, что обращение к литературоведческому исследованию турецкого мира в русской литературе давно назрело.

Русская литература XIX в. отражает противоречивую динамику восприятия Турции как «чужого», «недружественного» и в то же время экзотического пространства, привлекающего писателей своей таинственностью, соблазнительной инаковостью. Восточный образ нередко оказывался ареной для проекции идеологических, моральных, эстетических программ автора. Цель нашей статьи – выявить ключевые мотивы и образы «турецкого» в русской литературе XIX в., проследить эволюцию их интерпретации.

Русская рецепция турецкого мира всегда была амбивалентной, в которой сочетались, с одной стороны, неприятие, а с другой – определенное увлечение.

Неприятие обуславливалось множеством факторов. Во-первых, османские турки были для русских «басурманами», то есть представляли тот же мир, что и «татарове», в течение нескольких столетий бывшие угрозой русской жизни. Неслучайно татары и турки в русском фольклоре отождествлялись. Во-вторых, для русского православного сознания болезненным ударом в силу символичности явилось падение Константинопо-

ля, завоевание его турками в 1453 г. В-третьих, с конца XVIII в. в России актуализировался «восточный вопрос», связанный с возможным разделом великими державами того времени слабеющей Османской империи, которую называли «больным человеком Европы». Принимала участие в этом разделе и Российская империя. Ее общественно-политические силы преследовали разные цели: от геополитических до братской помощи в деле освобождения славянских народов. В-четвертых, на протяжении XIX в. отношения между Российской и Османской империями оставались напряженными, перерастая в конфликты. Войны 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 (Крымская война), а также война 1877–1878 гг. формировали в общественном сознании образ Турции как противника. Османская империя на протяжении XIX в. уменьшалась в территории и численности населения, Российская империя, напротив, прирастала и землями, и людьми. Фактор войны не мог не отразиться в текстах XIX в.: и в литературе, и в периодике Турция изображается как враг православия, угнетающий братские славянские народы.

Но было и увлечение турецким миром. Оно обуславливалось несколькими факторами. Во-первых, парадоксальный интерес культурой врага присутствовал и в русской рецепции татарского. Вполне туркофильские идеи развивал в XVI в. Иван Пересветов. Во-вторых, вместе с идеологическим и геополитическим противостоянием формировался и другой, более романтизированный образ «загадочного» Востока, «экзотичного» и «чувственного».

Интерес к мусульманскому миру также обуславливался жанровыми особенностями литературы – распространением путевых очерков, рассказов о пленных. Турецкие мотивы становятся заметными в произведениях с кавказским сюжетом, где культурное соприкосновение с исламом и турецкой традицией происходит в непосредственном пространстве – на границе двух империй.

В первой половине XIX в. возшла звезда А. А. Бестужева-Марлинского. Популярностью пользовались его романтические повести и рассказы. Хотя речь в них шла о Кавказе, упоминаются и турки, причем амбивалентно.

Марлинский не сомневался в цивилизаторской миссии русских на Востоке и считал, что ислам тормозит прогресс восточных народов. В повести «Аммалат-бек» русский европеец Верховский приводит слова Ермолова о том, что «европейца можно убедить, усювестить, тронуть кротостию, привязать прощением, но все это для азиатца несомненный знак слабости...» [11, с. 276]. Здесь же представлен образ турка-

османца муллы Гаджи-Сулеймана, врага русских и православия. В «Письме к Эрдману» Марлинский изображает турок в позитивном свете:

«Я люблю османов за то, что они не любят нас и не скрывают этого. Персиянин рассыпается в приветах, в лестях, в уверениях, и готов продать вас за грош. Кавказский татарин отдает вам в распоряжение дом и детей – но не просите у него стакана молока: вам скажут: сейчас, и не принесут никогда... Но турок не подвинется для вас с места: требует, а не просит должного» [12]¹.

Значительный вклад в формирование образа Востока, в том числе и Турции, внес А. С. Пушкин. Хотя Турция в его произведениях не всегда обозначена напрямую, культурный код Османской империи просматривается в языке, символических образах. Одним из произведений, в котором присутствует турецкий Восток, является поэма «Бахчисарайский фонтан». Хотя действие происходит в Крыму, тогда уже присоединенном к Российской империи, изображенный ханский двор – прямая проекция восточного, в том числе турецко-османского мира². Пушкин создает образ ханского дворца с богатым убранством, гаремом, что апеллирует к европейскому представлению об империи турок как пространстве чувственного Востока. Восток – арена страстей, любовной ревности и скорби.

Кроме того, в «Путешествии в Арзрум» Пушкин обращается к теме Турции напрямую. Здесь он описывает свое путешествие по Кавказу и Закавказью, включая эпизоды пересечения турецкой границы. В тексте даются этнографические детали (описания турецких укреплений, местных обычаев). Пушкин так же, как и Марлинский, верил в цивилизаторскую миссию России³.

¹ Впрочем, в следующем предложении Марлинский, резко высказываясь об исламе, лишает турок какой-либо перспективы: «Здесь, однако ж, кончится похвала. Магометанство, эта душевная проказа человечества, убивает в нем все стремления к лучшему» [12].

² Крым долгое время был в подчинении Османской империи; можно сказать, что Черное море было внутренним морем турок.

³ Таковы, например, его взгляды на черкесов: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана... Кавказ ожидает христианских миссионеров» [13, с. 207–208].

Вместе с тем его отношение к «магометанству» сложнее, нежели у Марлинского, о чем можно судить по «Подражаниям Корану», стихотворению «Стамбул гяуры нынче славят...». В турках Пушкин признает достойных цивилизационных соперников⁴. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин ближе к реализму, чем к романтизму. Налицо эволюция взглядов Пушкина: от вымышленного Востока к Востоку как политико-культурному субъекту.

М. Ю. Лермонтов, в отличие от Пушкина, не посещал Турцию, однако его творчество пронизано восточными мотивами, включая османские и кавказско-турецкие культурные отсылки. Восток у Лермонтова – отражение метафизического кризиса личности, трагической отчужденности героя. Тема судьбы и фатализма связываются с Востоком. В стихотворении «Валерик» читаем:

«Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок или татарин
За все я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили...» [14, с. 86].

В этой цитате обращает внимание соседство турка и татарина. Впервые данный феномен обозначился в фольклоре, в исторической песне «Авдотья-рязаночка», где турецкое и татарское заменяют друг друга без ущерба замыслу произведения.

Особое место в творчестве поэта занимает «Ашик-Кериб». Лермонтов дал тексту подзаголовок – «турецкая сказка». Его стилизация написана в ориентализированном ключе. В отличие от «Бахчисарайского фонтана», здесь нарратор не противопоставляет Восток и Запад, а как бы вживается в восточный взгляд, передает его изнутри. Это произведение построено как восточная сказка, с мотивами странствия, верности, испытания, награды. Турецкий мир выступает тут в декоративном ключе, не утрачивая культурной самобытности. Лермонтов стремился сохранить структуру народного восточного сказа, включал

⁴ Ср.: «Войско наше стояло в турецком лагере, взятом накануне. Палатка графа Паскевича стояла близ зеленого шатра Гаки-паши, взятого в плен нашими казаками. Я пошел к нему и нашел его окруженного нашими офицерами. Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку. Он казался лет сорока. Важность и глубокое спокойствие изображалось на прекрасном лице его. Отдавшись в плен, он просил, чтоб ему дали чашку кофею и чтоб его избавили от вопросов» [13, с. 228].

турецкие слова и выражения. «Ашик» у него не только «певец», а «Кериб» не только «нищий»; «ашик» означает «влюбленного», «Кериб» – «странного».

Общее в восприятии Турции у Пушкина и Лермонтова – это двойственность: с одной стороны, Восток романтизируется, с другой – становится зеркалом внутренних конфликтов лирического героя. Оба поэта используют Восток как пространство свободы и как символ фатализма. В отличие от Пушкина, у Лермонтова не только не актуализируется необходимость цивилизаторской миссии, но, напротив, как герой поэмы «Валерика», так и повествователь «Ашик-Кериба» хотят постигнуть суть турка (восточного человека) изнутри.

Н. В. Гоголь напрямую не обращался к теме Турции, однако восточные, в том числе турецкие, культурные коды пронизывают его произведения, особенно в части, касающейся южнорусского, казачьего и кавказского пространств. В творчестве Гоголя Восток, скорее, «внутренний», он структурирован через фантастическое, народное, архаическое. Так, в повести «Тарас Бульба» отражено представление о борьбе Запада и Востока, католического и православного мира, христианства и ислама. Хотя основные противники казаков в повести – католики-поляки, сам дух восточной степи, пограничья, кочевничества навеян соприкосновением с Османской империей⁵. Запорожские казаки регулярно воевали с Османской империей и союзными ей крымскими татарами. Турки в гоголевском контексте не имеют конкретного художественного лица, но существуют как часть коллективного мифологизированного врага, чуждого православию.

Интересен фольклорно-этнографический оттенок в описаниях Гоголя. Турецкое и восточное ассоциируется с югом, с «диким полем», трансграничем, угрозой, но также и с героическим испытанием. Этот Восток не экзотичен, как у Пушкина, и не психологичен, как у Лермонтова, а сакрален и архаичен.

Во второй половине XIX в. Россия и Турция столкнулись в Крымской войне и войне 1876–1877 гг., что нашло свое отражение в произведениях Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Од-

нако как изображение, так и отношение к войнам с Османской империей у этих писателей было различным.

Крымская война большей частью русского общественного сознания воспринимается не как война России и Османской империи, а как война России и Европы в лице Франции и Англии. Так, в стихотворении Достоевского «На европейские события в 1854 году» главным противником воспринимаются французы, которые предают интересы христианства [16, т. 2, с. 406–407]. Достоевский в этом стихотворении видит в исламе чуждую для христианства силу и мечтает о возвращении Константинополя в православное лоно, не считая турок серьезными противниками, в отличие от европейцев.

Л. Н. Толстой посвятил Крымской войне «Севастопольские рассказы». Известно, что сам писатель принимал участие в этой войне, но в его трех севаستопольских рассказах турки упоминаются лишь трижды, и то косвенно, причем один раз в сноске. Зато французы как противники упоминаются почти двадцать раз. При этом у Толстого не только к туркам, но и к французам нет неприязни. Нет его и у героев рассказов, впрочем, как и у французов по отношению к русским.

Спустя двадцать с лишним лет, во время Русско-турецкой войны 1876–1877 гг., позиции двух титанов русской литературы не поменялись. В публицистике Достоевского (в частности, в «Дневнике писателя») Восток, представляемый Турцией, рассматривался как удерживающий православные народы в неволе. Оптимальным вариантом виделось завоевание Константинополя и возвращение ему статуса столицы православного мира, что, в свою очередь, вступало в противоречие с идеологией «третьего Рима»: Москва теряла этот статус. Тем не менее Достоевский настойчиво утверждал необходимость этого⁶.

Достоевский, как ранее Лермонтов, соотносил исторические судьбы татар и турок. В своем стихотворении «На европейские события 1854 года» он писал: «Давил ее (Русь. – К. Ю., И. Ю., Ф. Ю.) татарин под пятой, / А очутился он же под ногами» [16, т. 2, с. 403]. А затем и в «Дневнике писателя» он проецирует судьбу турок в контексте судьбы татар:

⁵ Прямое упоминание Турции появляется в речи кошевого: «Только вот что: вам известно, панове, что султан не оставит безнаказанно то удовольствие, которым потешатся молодцы. А мы тем временем были бы наготове, и силы у нас были бы свежие, и никого б не побоялись. А во время отлучки и татарва может напасть: они, турецкие собаки, в глаза не кинутся и к хозяину на дом не посмеют прийти, а сзади укусят за пятки, да и больно укусят...» [15, с. 59].

⁶ Ср.: «Если и займет теперь Россия Константинополь, то единственно потому, что у ней, в задачах ее и в назначении ее, есть кроме славянского и другой вопрос, самый великий для нее и окончательный, а именно Восточный вопрос, и что разрешиться этот вопрос может только в Константинополе» [16, т. 23, с. 86].

«Затем заложили православный храм, отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство, а царя казанского вывезли куда следовало, – вот и все; и все это совершилось в один даже день. Немного спустя – и казанцы начали нам продавать халаты, еще немного – стали продавать и мыло... Тем дело и кончилось. Точь-в-точь и точно так же дело кончилось бы и в Турции, если б пришла благая мысль уничтожить наконец этот калифат политически» [16, т. 23, с. 120]⁷.

В целом во второй половине XIX в. в русской литературе наблюдается сдвиг от романтизированного образа Востока к более сложным реалистическим и этнографическим описаниям. Толстой занимает здесь особенное место.

В повести «Хаджи-Мурат», хотя Турция как государство прямо не фигурирует, изображен мир, находящийся под османским или исламским культурным влиянием. В центре повествования – образ мусульманского героя, находящегося в сложной ситуации между Шамилем и российскими военными. Толстой представляет Восток через судьбу конкретного человека. Хаджи-Мурат у Толстого – не экзотический другой/чужой, а полноценный субъект, в котором религиозные, цивилизационные и политические смыслы переплетены. Через образ Хаджи-Мурата, его молитвы, отношение к семье Толстой раскрывает образ Востока как автономной парадигмы.

Толстовский взгляд на войну и человека Востока разделяет В. М. Гаршин. В рассказе «Четыре дня», написанном на фоне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Турция не представлена напрямую, но турецкий солдат, который был убит русским героем-нарратором и рядом с трупом которого он вынужден был пролежать четыре дня, описан с несомненным гуманизмом⁸. Это произведение знаменует гуманистический сдвиг в восприятии Турции. Война здесь – не борьба цивилизаций, а трагедия человека, чья этноконфессиональная принадлежность перед лицом страдания теряет свою актуальность.

⁷ В «Анне Карениной» Левин не верит в искренность вдруг проснувшегося желания русских помочь южнославянским братьям освободиться от турецкой неволи. Достоевский в «Дневнике писателя» вступает в полемику с Левиным, утверждая, что имел место эмоциональный порыв русских людей во время войны с турками.

⁸ Ср.: «Он лежит здесь мертвый, окровавленный. Зачем судьба пригнала его сюда? Кто он? Быть может, и у него. Как у меня есть старая мать. Долго она будет по вечерам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец?...» [17, с. 25].

Таким образом, на протяжении XIX в. образ Турции в русской литературе претерпевает эволюцию от романтизма к реализму. Если в начале столетия Османская империя представлялась загадочным Востоком, то во второй половине века на первый план выходит Турция как политическая и этнокультурная реальность, с которой Россия вступает во взаимодействие. Исследование образа турецкого мира в русской литературе XIX в. показывает, насколько глубоко Восток был вписан в процесс самоидентификации русской культуры. Турецкий мир стал для русских писателей не просто экзотикой, но своего рода зеркалом, через которое они пытались постичь собственную идентичность (см.: [18]).

Список источников

1. *Kuran-Burçoğlu N.* Reflections on the Image of The Turk In Europe. Istanbul: Isis Press, 2009. 102 p.
2. *Altınbüken B.* Fransız Edebiyatında Türk İmgesi // Turkish Studies International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish and Turkic. Vol. 8/10. Ankara. 2013, P. 29–35.
3. *Umuç H.* Doğu ve Ötekilik: İngiliz Seyahatnamelerinde Türk Kimliği // Bilig. 2013. Sayı 66. S. 297–314.
4. *Kula O. B.* Alman Kültüründe Türk İmgesi. Ankara, 1992. 247 p.
5. *Rami İ.* 19 Yüzyıl Rus Edebiyatında Türk imgesi. İstanbul. 2016. 193 s.
6. *Rami İ.* Rus Seyahatnamelerinde Osmanlı Toplumunu ve Türk İmgesi. Ankara. 2023. 244 s.
7. *Бекметов Р. Ф.* Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с.
8. *Бекметов Р. Ф.* Омар Хайям в русской литературной интерпретации (роман Вардвана Варжапетяна «Запах шиповника») // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 145–151.
9. *Алексеев П. В.* Ислам в русской литературе: рождение гипертекста // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 2 (5). С. 68–71.
10. *Багратион-Мухранели И. Л.* Кавказ как утопия русской классической литературы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 9 (150). С. 83–89.
11. *Бестужев-Марлинский А. А.* Повести. М.: Правда, 1986. 480 с.
12. *Бестужев-Марлинский А. А.* Письмо к Эрману // URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlins_a_a/text_1831_pismo_ermanu.shtml (дата обращения: 12.07.2025).
13. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 5 томах. Т. IV. СПб: Библиополис, 1994. 499 с.
14. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 4 томах. Т. I. М.: Правда, 1986. 383 с.
15. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 8 томах. Т. II. М.: Правда, 1984. 318 с.

16. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Л.: Наука, 1972. 526 с.

17. Гаришин В. М. Сочинения. М.: Советская Россия, 1984. 432 с.

18. Юнусов И. Ш. Национальное и инонациональное в русской прозе второй половины XIX века. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 400 с.

References

1. Kuran-Burçoğlu, N. (2009). *Reflections on the Image of the Turk in Europe*. 100 p. Istanbul. (In English)

2. Altınbüken, B. (2013). *Fransız Edebiyatında Türk İmgesi* [The Image of Turkey in French Literature]. Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish and Turkic. Ankara. Vol. 8/10. Pp. 29–35. (In Turkish)

3. Umunç, H. (2013). *Doğu ve Ötekilik: İngiliz Seyahatnamelerinde Türk Kimliği* [East and Otherness: Turkish Identity in English Travel Writing (Lady Montagu and Richard Chandler)]. Bilig. No. 66, pp. 297–314. (In Turkish)

4. Kula, O. B. (1992). *Alman Kültüründe Türk İmgesi* [The Turkish Image in German Culture]. Ankara. (In Turkish)

5. Rami, İ. (2016). *19 Yüzyıl Rus Edebiyatında Türk imgesi* [Turkish Image in Russian Literature of the 19th Century]. 193 p. İstanbul. (In Turkish)

6. Rami, İ. (2023). *Rus Seyahatnamelerinde Osmanlı Toplumunu ve Türk İmgesi* [Ottoman Society and the Turkish Image in Russian Travels]. 244 p. Ankara. (In Turkish)

7. Bekmetov, R. F. (2018). *Russkaya literatura i buddiisko-daoskii Vostok (problemy dialoga)* [Russian Literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue)]. 328 p. Kazan', Shkola. (In Russian)

8. Bekmetov, R. F. (2024). *Omar Khayyam v russkoi literaturnoi interpretatsii (roman Vardvana Varzhapet'ana "Zapakh shipovnika")* [Omar Khayyam in

Russian Literary Interpretation (Vardvan Varzhapetyan's Novel "The Smell of a Wild Rose")]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 3 (77), pp. 145–151. (In Russian)

9. Alekseyev, P. V. (2007). *Islam v russkoi literature: rozhdeniye giperteksta* [Islam in Russian Literature: the Birth of Hypertext]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 2 (5), pp. 68–71. (In Russian)

10. Bagration-Muchrani, I. L. (2014). *Kavkaz kak utopiya russkoi klassicheskoi literatury* [The Caucasus as a Utopia of Russian Classical Literature]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 9 (150), pp. 83–89. (In Russian)

11. Bestuzhev-Marlinskii, A. A. (1986). *Povesti* [Stories]. 480 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

12. Bestuzhev-Marlinskii, A. A. *Pis'mo k Erdmanu* [A Letter to Erdman]. URL: http://az.lib.ru/b/bestuzhewmarlinskii_a/text_1831_pismo_ermanu.shtml (accessed: 12.07.2025). (In Russian)

13. Pushkin, A. S. (1994). *Sobraniye sochinenii: v 5 tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 4. 499 p. St. Petersburg, Bibliopolis. (In Russian)

14. Lermontov, M. Yu. (1986). *Sochineniya: v 4 tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 1. 383 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

15. Gogol', N. V. (1984). *Sobraniye sochinenii: v 8 tomakh* [Collected Works in 8 Volumes]. Vol. 2. 318 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

16. Dostoyevskii, F. M. (1972). *Polnoye sobraniye sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works in 30 Volumes]. Vol. 2. 526 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

17. Garshin, V. M. (1984). *Sochineniya* [Works]. 432 p. Moscow, Soviet Russia. (In Russian)

18. Yunusov, I. Sh. (2002). *Natsional'noye i inonatsional'noye v russkoi proze vtoroi poloviny XIX veka* [National and Foreign in Russian Prose of the Second Half of the 19th Century]. 400 p. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena. (In Russian)

The article was submitted on 29.08.2025

Поступила в редакцию 29.08.2025

Юнал Керами,

магистрант,
Бирский филиал Уфимского университета
науки и технологий,
452453, Россия, Бирск,
Интернациональная, 10.
keramiunal@yahoo.com

Юнусов Ильдар Шайхенурович,

доктор филологических наук,
профессор,
Бирский филиал Уфимского университета
науки и технологий,
452453, Россия, Бирск,
Интернациональная, 10.
ildar_yun@rambler.ru

Unal Kerami,

Master student,
Birsk Branch of Ufa University of Science and
Technology,
10 Intrenatsionalnaya Str.,
Birsk, 452453, Russian Federation.
keramiunal@yahoo.com

Yunusov Ildar Shaykhenurovich,

Doctor of Philology,
Professor,
Birsk Branch of Ufa University of Science and
Technology,
10 Intrenatsionalnaya Str.,
Birsk, 452453, Russian Federation.
ildar_yun@rambler.ru

Юнусова Фания Васбирахмановна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Бирский филиал Уфимского университета
науки и технологий,
452453, Россия, Бирск,
Интернациональная, 10.
fania_yunus@mail.ru

Yunusova Faniya Vasbirakhmanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Birsk Branch of Ufa University of Science and
Technology,
10 Intrenatsionalnaya Str.,
Birsk, 452453, Russian Federation.
fania_yunus@mail.ru